

О КАНТОВСКОМ ПОНЯТИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА СЕГОДНЯ

А. Н. Круглов¹

Несмотря на то что Кант родился три столетия назад, его практическая философия по-прежнему носит злободневный характер, помогая понять трудные и определяющие вопросы современности. Это видно на примере той превратной трансформации, которую в постсоветской России – в обыденном языке, в идеологических доктринах и в юридических документах – претерпело понятие человеческого достоинства. Если в обыденном значении достоинство все больше сводилось к возможности потребления преимущественно материальных благ, то в юридическом значении – и прежде всего в Конституции РФ 1993 г. – оно было превращено как следствие антикоммунистической идеологии в некое «право», способствующее благоприятным условиям жизни, будучи практически полностью оторванным от обязанностей и рассматриваемым совершенно безотносительно к морали. Такое толкование человеческого достоинства ведет в тупик и создает неразрешимые в рамках подобного правопонимания проблемы в его восприятии и согласовании с иными конституционными положениями. Обращение к Канту, одному из столпов нововременного антисословного универсалистского понимания человеческого достоинства, позволяет увидеть исходную идею достоинства личности как абсолютной внутренней ценности, не имеющей, в отличие от внешней цены, эквивалента и связанной с самозаконодательством, ограничением свободы и следованием моральному долгу.

Ключевые слова: человеческое достоинство, достоинство человечества в нас, личность, обязанность, моральный закон, ценность, право, Конституция РФ

¹ Российский государственный гуманитарный университет.
Россия, 125993, Москва, Миусская пл., д. 6.
Поступила в редакцию: 10.01.2024 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2024-1-3

THE KANTIAN CONCEPT OF HUMAN DIGNITY TODAY

A. N. Krouglov¹

Although Kant was born three hundred years ago, his practical philosophy is still relevant and helpful for understanding difficult and crucial issues of today. One example is the strange transformation the concept of human dignity has undergone in post-Soviet Russia – in everyday language, in ideological doctrines, and in legal documents. While in ordinary life dignity is increasingly reduced to access to material benefits, in its legal sense – above all in the 1993 Constitution of the Russian Federation – anti-communist ideology has turned it into the “right” to enjoy comfortable living conditions, being almost totally divorced from duties and from morality. Such interpretations of human dignity lead to a dead end, creating problems for its perception and for its relationship to other constitutional provisions – problems that are impossible to resolve in the framework of such an interpretation of right. By turning to Kant, one of the pillars of the modern egalitarian universalist conception of human dignity, we can trace the idea of personal dignity back to its origin as an absolute inner value which, unlike external material benefits, has no equivalent, and involves self-legislation, restriction of freedom, and the fulfilling of moral duty.

Keywords: human dignity, human dignity within us, personality, duty, moral law, values, right, Constitution of the RF

¹ Russian State University for the Humanities.
6 Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia.
Received: 10.01.2024.
doi: 10.5922/0207-6918-2024-1-3

За время, прошедшее с распада Советского Союза, произошли немалые смысловые и языковые изменения, которые мы как современники, погруженные в эпоху, «сыновья своего времени» (Гегель, 1990, с. 55; Hegel, 2009, S. 15), не всегда способны отчетливо осознавать. Констатация этих изменений и понимание тенденции их развития требуют рефлексии и анализа. Один из впечатляющих примеров — трансформация понятия человеческого достоинства, которая наблюдается как в обыденном языке, научной литературе, идеологических доктринах, так и в юридически обязывающих документах. Разобраться же в том, что произошло в нашей стране в эти годы, помогает неустаревающая кантовская философия, творец которой родился в Пруссии ровно три столетия назад.

1. О понятии достоинства в обыденном языке современной России

Наиболее яркий пример обыденного использования понятия человеческого достоинства представляет собой популярная реклама, долгие годы не сходявшая с российских телеэкранов. Слоган, придуманный еще в начале 1970-х гг. для фирмы *L'Oréal Paris* в английском варианте — *Because You're Worth It* и переведенный на французский язык как *Parce que je le vauх bien*, а на немецкий — *Weil ich es mir wert bin*, в Российской Федерации прижился в примечательном переводе: «Ты этого достойна». Ни в английском, ни во французском, ни в немецком вариантах не использовались слова, которые буквально выражают те или иные аспекты достоинства, — подобное наблюдается только в русском варианте. Гамму значений западноевропейских версий можно передать приблизительно следующим образом: ты этого стоишь, ты этого заслуживаешь, это подходит тебе больше всего, тебе требуется самое лучшее, ты для себя ценна, а поэтому в силу этой самоценности готова использовать самое лучшее и дорогое.

The time since the break-up of the Soviet Union has seen considerable changes of semantics and language which we, as contemporaries who are “children of our time” (cf. Hegel, 2008, p. 15; Hegel, 2009, p. 15) are not always able to perceive clearly. Perceiving these changes and determining their direction calls for reflection and analysis. One striking example, observed in everyday language, scholarly literature, ideological doctrines, and in legally binding documents, is the transformation of the concept of human dignity. To understand what happened in our country during this period, I propose we turn to the evergreen philosophy of the man who was born in Prussia, three centuries ago.

1. The Concept of Human Dignity in Everyday Russian Language

The most revealing example of our everyday use of the concept of human dignity is the popular advert which was on television screens for many years. The slogan, thought up in the early 1970s for the firm *L'Oréal Paris* and translated into French as “*Parce que je le vauх bien*,” and into German as “*Weil ich es mir wert bin*,” became popular in its Russian version, “*Ty etogo dostoyна*” (read as “It’s your right to a dignified appearance,” which roughly corresponds to “You are worth it”). The remarkable thing about the Russian version is that the word *dostoyна* has the same root as the Russian word *dostoinstvo* (“dignity”). Neither the English, nor the French, nor the German versions contain words associated with any aspects of dignity. The range of meanings the Western European versions seek to convey is roughly as follows: you are worth it, you deserve it, it suits you best of all, you want to have the best, you value yourself, and you are prepared to use the best and most expensive products to do justice to your value.

Но что же выражает «достоинство» в набившем оскомину русскоязычном варианте? Разумеется, можно объяснять этот русский перевод особенностями современного русского языка и ассоциациями с теми или иными устойчивыми оборотами, и тем не менее, на мой взгляд, безотносительно к этим сугубо лингвистическим соображениям данный русскоязычный слоган оказался как нельзя более созвучен тем глубинным идеологическим изменениям, которые как раз в это время происходили в России. Во-первых, даже если и остаться с «достоинством», победило не выражение «Это достойно тебя», а именно «Ты этого достойна»: в первом случае определенным мерилom выступал все же человек, с которым соотносился некий продукт, в то время как во втором уже человек дотягивал до некоего продукта как эквивалента. Во-вторых, неявно достоинство недвусмысленно соотносится с денежной ценой — достоинство предполагает возможность потратить немалые средства на самого себя. Или, в другом смысле, после сделанного комплимента ради самоуверения в достоинстве доказательством оно оказывается трата определенной денежной суммы. Все это прекрасно коррелировало с другим распространенным лозунгом 1990-х гг.: «Стыдно быть бедным». Тем самым достоинство редуцировалось главным образом к «достойной» жизни, под которой понимались в первую очередь богатство, достаток, комфорт, благополучие. Таким образом, главный смысл достоинства усматривался в возможности потребления всевозможных благ, особенно материальных и дорогих.

Иными словами, в понимании человеческого достоинства в постсоветской России свершилась некая ущербная буржуазная контрреволюция. Исторически «достоинство» долгое время понималось сословным образом: еще в русских словарях конца XVIII в. первым значением «достоинства» указывались «чин, важная должность, сан» (Словарь Академии Российской, 1794, ст. 769). Буржуазные революции Нового времени хотя бы частично, но нивелировали упомянутые сословные различия, про-

And what is the message of the word “dignity” in the cloying Russian version? Granted, the particular form taken by this translation can be attributed in part to modern Russian linguistic features and semantic associations; yet I think that, regardless of these considerations, the Russian version proved to be singularly consonant with the underlying ideological changes that were taking place in Russia at the time. First, even if we remain with the notion of *dostoinstvo* (“dignity”), the version that has prevailed seems to say not “this thing lives up to you” but “you live up to this thing”: in the former case the measure is the human being and in the latter case the human being’s worth is measured by the thing. Secondly, dignity is implicitly related to the amount of money you are prepared to spend on yourself. To put it another way, you can earn your worthiness of compliments by forking out a certain sum of money. All of this resonates with another popular catchphrase of the 1990s: “It’s a shame to be poor”. Thus, dignity was reduced to “dignified” life, meaning above all wealth, comfort, and wellbeing. The hallmark of dignity was the possibility to consume various goods, especially expensive material goods.

In other words, post-Soviet Russia saw a woeful bourgeois counter-revolution in its conception of human dignity. Historically, “dignity” had been associated with the notion of social estate: Russian dictionaries as late as the end of the eighteenth century listed as the first meaning of the word dignity “rank, important position, status” (*Slovar’*, 1794, col. 769). Bourgeois revolutions of the modern time levelled out, if only partially, the above-mentioned distinctions of social estate, moving toward a modicum of univer-

двигаясь в сторону некоей универсализации. Ущербность же российской смысловой буржуазной контрреволюции, напротив, шла вразрез с этим движением к универсализации, фактически выражая иной, сегрегационный смысл: чем больше денег, тем больше достоинства, отсутствие же денег лишает достоинства огромные слои населения.

2. О личности и обязанностях в российской юридической литературе

Несколько иное развитие наблюдалось в юридической мысли постсоветской России, для разбора которой придется прибегнуть к обширному цитированию². В ней велась активная борьба с «коммунизмом» — главным образом путем насаждения антикоммунистической идеологии как чего-то «естественного», соответствующего самой «природе человека» и потому якобы не являющегося идеологией. Эпохальные изменения, свершившиеся в те годы, нашли свое выражение и в принятой в декабре 1993 г. новой Конституции РФ, действующей с некоторыми поправками по сей день.

В рамках антикоммунистической борьбы в тексте Конституции пропали почти все упоминания «личности» — правда, по недосмотру оставшись в 21-й статье о достоинстве личности³. Если в последней советской Конституции 1977 г. имелся специальный раздел «Государство и личность», а в нем — глава «Основные права, свободы и обязанности граждан СССР», то в Конституции 1993 г. на ее место заступила глава «Права и свободы человека и гражда-

² Ср.: «Имеется наука, которая по своей сущности никак не может избежать цитирований, а именно право. Из этого видно, сколь ненадежны должны быть все юридические суждения. Но некое изначальное право действительно могло бы быть представлено и без цитирования» (АА 24, S. 871; Кант, 2022, с. 285).

³ Особенно отчетливо эта недоработка по элиминации понятия личности из текста Конституции 1993 г. заметна в 64-й статье, в которой указано, что вся вторая глава «Права и свободы человека и гражданина» описывает «правовой статус личности». Куда при этом пропал правовой статус гражданина, остается загадкой.

salisation. The main thrust of the semantic bourgeois counter-revolution in post-Soviet Russia was directed against universalisation, effectively carrying a segregationist message: more money means more dignity, while a lack of money deprives huge masses of the population of their dignity.

2. Personality and Duty in Russian Legal Literature

Legal thought in post-Soviet Russia developed in a somewhat different direction. Its analysis requires numerous citations.² The crusade against “communism” took the form of instilling an anti-communist ideology as something “natural”, according with “human nature”, and therefore as not constituting an ideology. The epoch-making changes that took place in those years were reflected in the new Constitution of the RF which was adopted in December 1993 and which, with some amendments, remains in effect.

As part of the anti-communist struggle, all references to the “individual” were dropped from the Constitution, although due to oversight, Article 21 does refer to the dignity of the individual.³ Whereas the last Soviet Constitution of 1977 had a special section devoted to “The State and the Individual” with a chapter entitled, “The Basic Rights, Freedoms and Duties of Citizens of the USSR”, the 1993 Constitution replaced it with the chapter, “Rights

² Cf.: “There is a science that has the property that it simply cannot dispense with citations, namely, law. Here we see how uncertain all juridical judgments must be. An original justice could actually be introduced, however, without citation” (*V-LoWiener*, AA 24, p. 871; Kant, 1992, p. 321).

³ The failure to eliminate the concept of individual from the 1993 Constitution stands out in Article 64 which says that the whole Chapter Two, “The Rights and Freedoms of Man and Citizen”, describes “the legal status of the individual”. What happened to the legal status of the citizen remains a mystery.

нина». Так в действующей Конституции РФ не только почти полностью было устранено «социалистическое» понятие личности, но из ключевых заголовков — также и понятие обязанности гражданина / человека. После десятилетий господства марксистско-ленинской философии, по поводу и без ссылавшейся на генетическую преемственность с диалектикой Г. В. Ф. Гегеля, его глубокое толкование взаимосвязи прав и обязанностей, столь убедительно нашедшее свое отражение в «Философии права» (1821) (Гегель, 1990, с. 207, §155, с. 288, §261; Hegel, 2009, S. 143, §155, S. 208-209, §261), было полностью проигнорировано. Произошло это не случайно. Причины стыдливого замалчивания в Конституции 1993 г. обязанностей, которые, несмотря на отсутствие в заглавии, все равно присутствуют в главе о правах и свободах, правдоподобно объяснил В. А. Четвернин: «Конституция никак не связывает права человека с какими бы то ни было обязанностями человека и устанавливает безусловную обязанность государства признавать, соблюдать и защищать права человека. В этом вопросе конституционное правопонимание сходится с традиционной идеологией прав человека, развиваемой в рамках современного юридического либертаризма» (Четвернин, 2003, с. 32).

Причины изменений в отношении к обязанностям носили сугубо идеологический характер. Советская Конституция сводила, как это утверждает редактор известного учебника «Права человека» член-корреспондент РАН Е. А. Лукашева, «положение человека только к его взаимосвязи с государством в качестве гражданина, получившего свои права в “дар” от государственной власти и всецело ей подчиненного. ...новая Конституция РФ восстанавливает те общечеловеческие ценности, которые были утверждены в результате буржуазных революций и нашли свое воплощение в законодательных актах, впервые в истории человечества закрепивших равенство, свободу, право на счастье...» (Права человека, 2011, с. 104); и далее: «Права личности не “дар” законодателя, а социальные возможности, обеспечивающие че-

and Freedoms of Man and Citizen”. Thus, the current Constitution of the RF, in addition to practically dispensing with the “socialist” concept of the individual, also drops the concept of the duties of citizens/human beings from its key headings. After decades under the sway of the Marxist-Leninist philosophy which was at pains to trace its lineage to Hegel’s dialectics, convincingly set forth in *Outlines of the Philosophy of Right* (1821) (Hegel, 2008, p. 161, §155, pp. 236-237, §261; cf. Hegel, 2009, p. 143, §155, pp. 208-209, §261), Hegel’s profound interpretation of the link between rights and obligations was now totally ignored. This did not happen by chance. The reasons for which the 1993 Constitution quietly sidesteps the mention of obligations in its chapter titles, although they are nevertheless present within the chapter on rights and freedoms, have been illuminated by Vladimir A. Chetvernin (2003, p. 32): “The Constitution does not connect human rights with any human duties and establishes the state’s unconditional obligation to recognise, observe and protect human rights. On that issue the Constitution coincides with the traditional human rights ideology espoused by modern legal libertarianism.”

The reasons for the change of stance on duties were strictly ideological. The editor of the well-known textbook *Human Rights*, Corresponding Member of the RAS Elena A. Lukashcheva (2011, p. 104), claims that the Soviet Constitution reduced “the position of human being only to the interaction between the state and the individual as a citizen who has been ‘granted’ rights by the state power and is totally subordinate to it [...] The new Constitution of the RF restores the universal human values established as a result of bourgeois revolutions, values enshrined in the legislative acts which for the first time in human history proclaimed equality, liberty and the right to pursue happiness [...]”; and further: “Individ-

ловеку определенный стандарт жизни» (Там же, с. 102). И если идеологические мотивы конституционных изменений разьяснения Лукашевой иллюстрируют прекрасно, то в содержательном плане в этом объяснении возражения вызывают едва ли не все утверждения. Во-первых, Лукашева сознательно игнорирует понятие личности в Конституции 1977 г., делая вид, будто в ней идет речь исключительно о гражданине. В отношении Конституций нашей страны 1918, 1924, 1936, 1977 и 1993 гг. фактом является то, что последняя советская Конституция 1977 г. представляет собой уникальный юридический документ, в котором понятие личности играет первостепенную роль начиная уже с преамбулы («всестороннее развитие личности»). Примечательно также, что у Лукашевой «общечеловеческие ценности» соседствуют с «буржуазными» революциями, и в этом не видится никакого диссонанса. Кроме того, если новая Конституция и в самом деле восстановила перечисленные «общечеловеческие ценности», то трудно объяснить, как это могло произойти, если во всем ее тексте не только не упомянуто право на счастье, но не встречается и само понятие счастья. Особо отмечу, что, как и в рекламных слоганах, в разьяснениях конституционных положений о правах большую важность в учебнике приобретает именно «стандарт жизни», а не какие-то обязанности.

Борьба с Советским Союзом рефреном проходит через многие авторитетные пояснения конституционных положений. Бывший судья Европейского суда по правам человека А. И. Ковлер подчеркивает, что сама последовательность слов в названии раздела Конституции 1977 г. — «Государство и личность» — свидетельствует о пирамиде ценностей в СССР, предполагавшей «подчиненность личности государству» (Ковлер, 2019, с. 9). Иных аргументов он при этом не приводит. Он же, как и Лукашева, утверждает: «...советская правовая доктрина признавала только обретенные (октроированные) права гражданина» (Там же, с. 10). Насколько я могу судить, в российском

ual rights are not a ‘gift’ from the law maker, but social opportunities which ensure certain living standards” (*ibid.*, p. 102). While Lukashева does an excellent job of illustrating the ideological motives behind the constitutional changes, on matters of substance, almost all of her claims are vulnerable to objection. First, Lukashева consciously ignores the concept of individual in the 1977 Constitution, pretending that it deals only with the citizen. In considering the Russian constitutions of 1918, 1924, 1936, 1977, and 1993, it has to be said that the Soviet Constitution of 1977 is a unique legal document in that the concept of the individual looms large, beginning from the preamble (“all-round development of the individual”). It is noteworthy that Lukashева speaks of “universal human values” in the same breath as “bourgeois” revolutions, seeing no contradiction there. Furthermore, if the new Constitution did indeed restore the above-mentioned “universal human values,” how was this possible with a text that never once mentions the right to happiness or indeed the concept of happiness? It is important to note that “living standards,” and not some kind of obligations, are front and centre in the textbook’s promotional slogans and its explanations of the constitutional provisions.

The struggle against the Soviet Union figures in many authoritative justifications for present-day constitutional provisions. Anatoly I. Kovler (2019, p. 9), a former judge of the European Court of Human Rights, stresses that the sequence of words in the title of the 1977 Constitution’s section “The State and the Individual” reveals the pyramid of values in the USSR which assumed “subordination of the individual to the State”. This is the only argument he adduces. Like Lukashева, he maintains that “[...] the Soviet legal doctrine recognised

юридическом языке сложилась странная и нелепая конвенция, в соответствии с которой, в частности, противопоставляются «октроированные» и «народные» конституции: первые приняты учредительными собраниями или парламентами, в то время как вторые — референдумами. Куда в таком случае попадают в буквальном смысле «октроированные», то есть подаренные или пожалованные монархом конституции (например, прусская Конституция 1848/1850 гг.), которые в строгом смысле слова только и являются октроированными, остается без ответа.

По этой причине сомнительно истолкование обретенных прав как обязательно октроированных — последние должны быть, скорее, пожалованными или дарованными. Не всякое обретенное право человека, имеющее своим источником позитивное право, является в этом смысле октроированным. Если же говорить применительно к конституции, то Конституция 1977 г. не являлась даром Генерального секретаря ЦК КПСС или Политбюро, а была принята представительным органом — Верховным Советом СССР — после всенародного обсуждения ее проекта⁴. Вероятно, Ковлер, как и Лукашева, тем не менее придерживается позиции, согласно которой права гражданина, упоминаемые в Конституции 1977 г., являются «даром» государственной власти в Советском Союзе и в этом смысле они «октроированы». Каким образом при этом трактовать принятие этой Конституции парламентом после всенародного обсуждения, для меня остается непонятным. Возможно, впрочем, что вопрос об октроировании конституции решается иначе, нежели в отношении прав: во втором случае можно подразумевать принадлежность человеку некоторых естественных прав от рождения, а не в силу конституции, пусть и принятой на референдуме.

⁴ Даже те, кто считает данную Конституцию лишь «ширмой» для произвола властей, вынуждены признать, что результатом всенародного обсуждения стало «внесение весьма существенных поправок», в то время как проект Конституции 1993 г. ни на какое всенародное обсуждение вообще не выносился; см.: (Дмитриев, 2008, с. 38).

only granted civil rights” (*ibid.*, p. 10). As far as I can judge, a bizarre convention has arisen in Russian legal parlance which, among other things, juxtaposes “octroyed” and “popular” constitutions, the former being adopted by constitutional assemblies or parliaments, and the latter by referendum. What happens to the constitutions (like the Prussian 1848/1850 Constitution) which have been granted by the monarch in the strict sense of the word remains unclear.

For this reason interpreting granted rights as octroyed by the ruler is dubious; the latter should be considered to be bestowed rights. The 1977 Constitution, for example, was not a gift of the General Secretary of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union or the Politburo but was passed by the representative body, the Supreme Soviet of the USSR after a nationwide discussion of its draft.⁴ Apparently Kovler, like Lukashева, still holds that the civil rights mentioned in the 1977 Constitution are “a gift” of state power in the Soviet Union and have been “octroyed” in that sense. How to interpret the adoption of the Constitution by parliament after a nationwide discussion remains unclear. Perhaps the question of the constitution being bestowed is decided differently than the questions of rights: in the latter case we may be looking at certain natural human rights given from birth and not by a constitution, even if it is adopted by referendum.

Leaving aside the legal niceties and summing up what has been said up to this point, I would like to stress that the exclusion of du-

⁴ Those who see this Constitution as a mere “screen” to cover up arbitrary rule have to admit that the nationwide discussion led to the “adoption of substantial amendments,” whereas the draft Constitution of 1993 was never put to a nationwide referendum; see Dmitriev (2008, p. 38).

Оставляя в стороне юридические тонкости и подводя предварительный итог, подчеркну, что исключение обязанностей из самого названия второй главы Конституции 1993 г. призвано было продемонстрировать неотчуждаемый характер основных прав и свобод человека: «...государство не может отнять у человека его права и свободы, даже если он нарушает обязанность быть законопослушным. Государство вправе ограничить осуществление человеком его прав и свобод... Но оно не вправе, даже в наказание за преступление... отказать ему в признании его человеческого достоинства» (Четвернин, 2003, с. 34). Но чтобы выразить и закрепить этот новый смысл прав человека, в Конституции РФ 1993 г., помимо доктринального отрывания обязанностей от прав, при котором права все больше приписывались человеку и гражданину, в то время как обязанности — государству (ст. 2), и помимо рассмотрения в качестве правового такого отношения, в котором на стороне одного — только права, а на стороне другого — только обязанности⁵, по крайней мере некоторые права человека были истолкованы в духе естественного права (ст. 17, ч. 2). Наиболее удачную формулировку для этой трансформации нашел академик РАН В. С. Нерсесянц:

Использование в Конституции новой для нас естественно-правовой конструкции природных прав и свобод человека по существу направлено против ранее господствовавших в нашей теории и практике представлений об октроированном (дарованном сверху официальными властями) характере прав людей. *Антиэтатический смысл* данной конструкции очевиден: основные права и свободы принадлежат каждому по безусловному естественному основанию (в силу природного факта рождения), а не в зависимости от диктуемых государством условий. Не по усмотрению, воле и решению властей. Определенная *стилизация под естественное право* призвана здесь продемонстрировать исходную и безусловную свободу, правомочность и правосубъектность любого индивида в его отношениях со всеми остальными — государством, обществом, другими индивидами (Нерсесянц, 2005, с. 375).

⁵ Что является нонсенсом с точки зрения Канта; см. об этом подробнее: (АА 06, S. 241–242; Кант, 2014, с. 117–119).

ties from the title of chapter two of the 1993 Constitution was designed to demonstrate the inalienable character of the basic human rights and freedoms: “[...] the state cannot take away from human being his rights and freedoms even if he violates the obligation to be law-abiding. The state has the right to limit man’s exercise of his rights and freedoms [...] But it has no right, even as punishment for a crime [...] to deny him his human dignity” (Chetvernin, 2003, p. 34). But to express and seal this new meaning of human rights, the 1993 Constitution, in addition to doctrinal severance of obligations from rights, whereby rights increasingly were ascribed to human being and citizen while obligations belonged to the state (Art. 2), and in order to account for the legitimacy of a situation in which one side has only rights and the other side only duties,⁵ at least some human rights have been interpreted as natural rights (Art. 17, part 2). The essence of this transformation has been most succinctly formulated by Full Member of the RAS, Vladik S. Nersesyants (2005, p. 375):

The Constitution’s novel use of the natural rights approach to the inborn rights and freedoms of human being is essentially aimed against the notion that people’s rights have been handed down from on high (by the authorities), the notion that was hitherto prevalent in our theory and practice. *The anti-statist intent* of this approach is obvious: the basic rights and freedoms belong to each person on unchallengeable natural grounds (the fact of having been born) and not depending on the conditions dictated by the state. Not at the discretion of, or by the will or decision of the authorities. *Stylisation as a natural right* is called upon to demonstrate the original and unconditional freedom, legal capacity and agency of any individual in his/her relations with all the others, be it the state, society or other individuals.

⁵ This is nonsense from Kant’s point of view; see more on this in MS, AA 06, pp. 241-242; Kant, 1996a, pp. 396-397.

Если попробовать обобщить смысл этих конституционных нововведений антикоммунистической постсоветской России, то он выглядит следующим образом: человек обладает правами вне какой-либо зависимости от своих обязанностей, безразлично к своему поведению, эти права носят естественный характер, не зависят в своем происхождении от государства, человек обладает достоинством безотносительно к своему поведению и ему ничего не требуется предпринимать для его обретения, но государство обязано всячески оберегать и охранять эти права и всегда, при любых обстоятельствах признавать его человеческое достоинство. Таким образом, к тому, что достоинство измеряется деньгами и стыдно быть бедным, юридические документы, вульгарно толкуемые, добавили: я государству ничем не обязан, это оно мне обязано, у меня есть множество прав, и государство обязано их соблюдать вне зависимости от того, помню ли я о неких обязанностях, стыдливо замаскированных, или же нет, права мне обеспечивают «определенный стандарт жизни», и никто и ничто не вправе отказывать мне в человеческом достоинстве не только из-за несоблюдения обязанностей, но даже несмотря на самые отвратительные и чудовищные преступления, безотносительно к которым я был и остаюсь «высшей ценностью». Уже не первое десятилетие некоторые российские политики вопреки ч. 2 ст. 13 Конституции РФ мечтают создать мифическую объединяющую идеологию — реальная же, не выдуманная, сложившаяся после распада Советского Союза, частично описана выше.

3. Достоинство личности / человеческое достоинство в Конституции РФ: русская правовая наука

Провозглашение человека — к слову, принципиально чего-то посюстороннего, а не трансцендентного — высшей ценностью наталкивает на вопрос о том, «образ какого человека

If one were to sum up the meaning of these constitutional novelties in post-Soviet anti-communist Russia, it amounts to the following: human beings have rights independently from their duties and behaviour; these rights have a natural character, i.e. they do not originate from the state; human beings possess dignity regardless of their conduct and they do not have to do anything to acquire it, but the state is obliged to safeguard human rights and recognise human dignity under any circumstances. Thus, to the notion that dignity is measured by money and that it is a shame to be poor, legal documents, on a vulgar interpretation, have added the following: I owe nothing to the state, it is the state that owes to me; I have a lot of rights and the state is obliged to observe them, regardless of whether I am mindful of my obligations or whether they are quietly disguised; my rights entitle me to “a certain standard of living” and no one and nothing can deny me my human dignity not only if I am derelict in some duties, but even if I commit the most heinous of crimes — I remain “the supreme value” regardless. For decades now some Russian politicians, contrary to part 2 of Article 13 of the RF Constitution, have been dreaming of creating a mythical, unifying state ideology. Meanwhile the real one, which has taken shape since the collapse of the Soviet Union, has been partially described above.

3. Individual Dignity / Human Dignity in the RF Constitution: The Russian Legal Science

Proclaiming humankind — incidentally, not transcendent, but of this world — to be the supreme value prompts the question, “what image of human being does this or that legal doc-

несет в себе та или иная правовая доктрина? Какой человек возводится в идеал и высшую ценность?» (Куркин, 2014, с. 66). Как справедливо замечают Б. А. Куркин и И. С. Искевич, «провозглашая человека “высшей ценностью”, становится невозможным уйти от вопроса о качестве этого человека. Падший человек — тоже человек. Он будет “высшей ценностью”? Модусы человечности вообще беспредельны» (Куркин, Искевич, 2017, с. 24). Явного ответа на этот вопрос в российской юридической литературе, подчеркивающей «человекоцентристское правопонимание» новой Конституции (Нерсесянц, 2005, с. 374), не обнаружить, но именно этот никак не охарактеризованный человек как высшая ценность и наделяется в 21-й статье Конституции РФ достоинством: «1. Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления. 2. Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию. Никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам» (Конституция РФ, 1993). Первый вопрос, который возникает относительно этой статьи, — является ли достоинство личности в части первой и человеческое достоинство в части второй синонимами? На основе имеющейся российской литературы по конституционному праву на этот вопрос можно с уверенностью ответить утвердительно, поскольку термин «личность» относится именно к человеку (Баглай, 2007, с. 184)⁶. Но чем при этом оказывается человеческое достоинство исходя из расположения 21-й статьи внутри второй главы о правах и свободах человека и гражданина?

В известной мне российской юридической литературе, а также в выступлениях российских политиков прослеживаются две тенденции. В том случае, когда комментарии прибли-

⁶ Академик РАН О. Е. Кутафин в Конституции 1993 г. усматривал и некое достоинство гражданина (Козлова, Кутафин, 2001, с. 106). На чем он при этом основывался, он не прояснил.

trine carry? What kind of human being does it hold up as the ideal and the supreme value?” (Kurkin, 2014, p. 66). As Boris A. Kurkin and Irina S. Iskevich (2017, p. 24) rightly point out, “in proclaiming human being to be ‘the supreme value’ one cannot get away from the question of the quality of such a human being. Is a fallen human being also a human being? Will he still be ‘the supreme value’? Modes of humanity are infinite”. The Russian legal literature, which stresses the new Constitution’s “human-centric conception of law” (Nersesyants, 2005, p. 374), does not give a straight answer to this question, and yet this human being, which has not been characterised in any way, is proclaimed to be the supreme value and is vested with dignity under Article 21 of the RF Constitution: “1. Individual dignity [*dostoinstvo lichnosti*] shall be protected by the State. Nothing may serve as a basis for its derogation. 2. No one shall be subject to torture, violence or other severe treatment and punishment or treatment and punishment humiliating human dignity [*chelovecheskoe dostoinstvo*]. No one may be subject to medical, scientific and other experiments without voluntary consent” (Constitution of the RF, 1993; transl. is corrected — A. K.; cf. *Konstituciya RF*, 1993). The first question that springs to mind regarding this article is whether individual dignity in part 1 is the same thing as human dignity in part 2. Proceeding from the Russian literature on constitutional law, the question can safely be answered in the affirmative because the term “individual” refers to human being (Baglay, 2007, p. 184).⁶ But then what is human dignity considering that Article 21 is inside Chapter 2 dealing with the rights and freedoms of human being and citizen?

From the Russian legal literature I have read, and the pronouncements of Russian politicians,

⁶ Full Member of the RAS Oleg Ye. Kutafin discerned a reference to dignity of citizen in the 1993 Constitution (Kozlova and Kutafin, 2001, p. 106). But he did not explain why he thought so.

жены к тексту Конституции 1993 г., достоинство явным образом именуется правом. В случае же общих рассуждений на тему Конституции достоинство странным образом выделяется из ряда прав и употребляется в каком-то ином статусе наряду с правами. Уже одно это свидетельствует о наличии какой-то трудно разрешимой проблемы. Более детальное знакомство с конкретными разъяснениями и во все ввергает в полное недоумение. Человеческое достоинство оказывается таким понятием, которое совершенно не поддается российским конституционным правоведам.

Нерсисянц рассматривает достоинство личности как право наряду с другими, говоря о праве «на достоинство личности» (Нерсисянц, 2005, с. 377). В качестве личного права и свободы рассматривает достоинство личности и бывший председатель КС РФ, член-корреспондент РАН М. В. Баглай (Баглай, 2007, с. 207), давая ему следующее определение: «Это качество человека равнозначно неотъемлемому праву на уважение и обязанности уважать других. Оно достигается развитием личности, осознающей свою свободу, равенство и защищенность» (Там же, с. 211–212). Е. И. Козлова толкует в качестве личного права не само достоинство, а «право на охрану государством достоинства личности» (Козлова, Кутафин, 2001, с. 217).

Уже эти тезисы лишь с некоторой натяжкой можно рассматривать как некие комментарии к ст. 21 Конституции РФ. С другими ситуация еще хуже — так, Баглай утверждает: «Достоинство тесно связано с принципами гуманизма и справедливости, оно конкретизируется в правах человека, защита которых составляет назначение государства» (Баглай, 2007, с. 212). Каким образом достоинство как право может конкретизироваться в других правах? Если бы речь шла, допустим, о примерах из уголовного права, это можно было бы понять как некую иерархию прав: основные в Конституции и иные, неосновные, в других законах. В этой связи Н. С. Колесова, один из авторов процитированного выше учебника, подчеркивает:

I can discern two trends. When comments are close to the text of the 1993 Constitution, dignity is clearly referred to as a right. In the case of general reasoning about the Constitution dignity is strangely singled out from amongst other rights, the term being used in some other sense than as a right. This already signals the existence of some difficult problem. A closer acquaintance with the concrete explanations only compounds the bewilderment. Human dignity turns out to be a concept that defies Russian constitutional scholars' efforts to explain it.

Nersesyants (2005, p. 377) considers human dignity as a right along with other rights speaking about the right “to individual dignity”. Former chairman of the Constitutional Court, Corresponding Member of the RAS Marat V. Baglay (2007, p. 207) also sees individual dignity as an individual right and freedom, defining it in the following way: “This human property is equal to the inalienable right to be respected and the duty to respect others. It is achieved through the development of a personality which is aware of one’s freedom, equality and security” (*ibid.*, p. 211-212). Ekaterina I. Kozlova interprets as an individual right, not of dignity *per se*, but “the right to state protection of the individual dignity” (Kozlova and Kutafin, 2001, p. 217).

Already these theses can be considered to be comments on Art. 21 of the RF Constitution only by a stretch. The situation with other theses is still worse. Baglay claims: “Dignity is closely linked with the principles of humanism and justice, is embodied in human rights whose protection is the mission of the state” (Baglay, 2007, p. 212). How can dignity as a right be embodied in other rights? If we were looking, for example, at criminal law cases we could interpret it as a hierarchy of rights, with the main rights sealed in the Constitution and other rights in other laws. Natalia S. Kolesova, one of the authors of the above-cited textbook, stresses:

Достоинство как субъективное право человека включает в себя охрану чести, репутации и доброго имени. В развитие конституционных норм достоинство личности охраняется нормами ряда отраслей права, вплоть до уголовного, предусматривающего такие составы преступлений против чести и достоинства, как клевета и оскорбление. В социальном государстве «достоинство личности» включает не только обладание правовой свободой, но и создание условий для достойной жизни человека (гарантии здравоохранения и образования, право на жилище и социальное обеспечение, достойная оплата труда и др.). Защита достоинства личности безусловна и осуществляется государством: никакие обстоятельства не могут служить основанием для его умаления. Поэтому защите подлежит достоинство любой личности — не только взрослого и дееспособного человека, но и полностью или ограниченно недееспособных (несовершеннолетних и душевнобольных), лиц, осужденных к лишению свободы, и др. (Права человека, 2011, с. 156).

Однако наряду с иллюстрациями из уголовного права Баглай, в отличие от Колесовой, приводит в качестве примера «конкретизации» достоинства как права другие права из Конституции, которые им же самим называются основными. Каким образом одно «основное» право (ст. 17, ч. 2) может конкретизироваться в другом «основном» праве, он не объясняет.

Из дефиниции достоинства Баглая, имеющей широкое распространение, видно, что в российской юридической литературе по умолчанию происходит подмена: на место достоинства заступает уважение. Сходным образом поступает и Колесова: «Право на достоинство (т.е. на самоуважение, уважение и справедливую оценку человека другими лицами) — это признание обществом социальной ценности, уникальности и значимости каждой конкретной личности» (Права человека, 2011, с. 155). Подмену легко понять с точки зрения русского языка: вместо противоестественного «права на достоинство» появляется конвенционально и без всяких возражений звучащее право на уважение. Однако сведение достоинства к уважению

Dignity as a person's subjective right includes protection of honour, reputation, and good name. As a development of constitutional norms the dignity of the individual is protected by the norms of some branches of law, including criminal law which envisages such crimes against honour and dignity as slander and defamation. In a social state "individual dignity" includes not only legal freedom, but the creation of conditions for a life worth living (guarantees of healthcare and education, the right to housing and social security, a decent wage, etc.). Protection of individual dignity is unconditional and is provided by the state: no circumstances can be grounds for diminishing it. That is why the dignity of any individual is to be protected, not only of a legally competent adult, but also of fully or partly incompetent (minors and mentally sick) persons, persons sentenced to deprivation of freedom, and so on (Lukasheva, 2011, p. 156).

However, in addition to such examples from the criminal law, Baglay, unlike Kolesova, maintains that dignity is "embodied" in other constitutional rights, rights which he himself calls fundamental. How a "fundamental" right (Art. 17, part 2) can be embodied in another "fundamental" right remains unclear.

Baglay's popular definition shows that the Russian legal literature quietly supplants dignity with respect. Kolesova proceeds in a similar way: "The right to dignity (i.e. self-respect, respect and fair assessment of the person by other persons) means that society recognises the social value, uniqueness and significance of every concrete individual" (Lukasheva, 2011, p. 155). The replacement can easily be explained away by features of the Russian language: instead of the unnatural "right to dignity," it refers to the conventional right to be respected, which raises no objections. However, reducing dignity to respect shows a failure to comprehend the philosophical essence of dignity and the sources of this concept.

есть серьезное непонимание как самой философской сути достоинства, так и истоков данного понятия.

Поскольку положительная дефиниция человеческого достоинства или достоинства личности в Конституции РФ отсутствует — эксплицитно здесь названо лишь то, что его нарушает, — российские правоведы пытаются дать ее сами, однако получается это крайне неудачно. В определении Баглая право на достоинство равно праву на уважение и обязанности уважать других. Каким образом дефиниция права превращается по форме в «право = право + обязанность», остается без ответа. Даже если согласиться с тем, что право можно назвать качеством, оно, как оказывается, «достигается» развитием личности. Каким образом основное, неотчуждаемое, принадлежащее каждому от рождения право (ст. 17, ч. 2) может «достигаться», равным образом остается без ответа.

Другой ряд проблем касается правоотношений и вообще отношений. М. В. Баглай подчеркивал, что конституционные права и свободы как главные элементы конституционных отношений возникают между человеком или гражданином и государством, в результате чего порождается обязанность государства по защите прав и свобод (Баглай, 2007, с. 182). Но если достоинство как правоотношение возникает между человеком и государством, то откуда в дефиниции достоинства у М. В. Баглая появляется обязанность человека уважать других? Если же присмотреться к определению Колесовой, то наряду с отношением к другим в нем идет речь и об отношении к самому себе, «самоуважении». Может ли человек сам умалить свое собственное достоинство или возможность такового действия признается лишь за государством и за другими? Или же человеческое достоинство — если оно право, — как и все остальные права, никак не зависит в своей значимости и действительности от выполнения или невыполнения человеком своих обязанностей, и именно в этом состоит достижение Консти-

Because the RF Constitution does not contain a positive definition of human dignity or dignity of the individual — it explicitly states only what violates it — Russian legal scholars try to fill the gap themselves, but with little success. In Baglay's definition the right to dignity is equated with the right to respect and the duty to respect others. How the definition of a right turns, in form, into "right = right plus duty" is not explained. Even if one agrees that a right may be called a property, it turns out that it is "achieved" through development of the individual. How a fundamental, inalienable right each individual has from birth can be "achieved" is equally unanswered (Art. 17, part 2).

Another set of problems has to do with legal relations and relations in general. Baglay stresses that constitutional rights and freedoms, as key elements of constitutional relations, arise between man/citizen and the state, giving rise to the duty of the state to protect rights and freedoms (Baglay, 2007, p. 182). But if dignity as a legal relation arises between human being and the state, where does the individual's duty to respect others come from on Baglay's definition of dignity? A closer look at Kolesova's definition reveals that, along with an attitude towards others, dignity refers to an attitude taken toward oneself: "self-respect". Can a person demean their own dignity or can this be done only by the state or by others? Or is it the case that human dignity, like all the other rights — if it is a right — does not depend for its significance or effectiveness on whether or not a person fulfils their duties, and that this is an achievement of the 1993 Constitution compared with the 1977 Constitution? Kolesova's definition refers to the recognition of the social value of each concrete individual, which means that it includes out-and-out criminals who have

туции 1993 г. по сравнению с Конституцией 1977 г.? В этом же определении Колесовой говорится о признании социальной ценности и значимости каждой конкретной личности, следовательно, включая и отъявленных преступников, совершивших самые страшные преступления против человечности. В каком смысле их личность социально ценна и значима?

Приведенный обзор наиболее авторитетной российской исследовательской литературы по конституционному праву показывает совершенно удручающую ситуацию в деле разъяснения смысла человеческого достоинства в Основном законе современной России. Человеческое достоинство то ли ограничивается синонимичным ему достоинством личности, то ли допускает еще и некое достоинство гражданина; является то ли правом, то ли правом и свободой, то ли правом + обязанностью, то ли правом оказывается не само достоинство, а его охрана со стороны государства; существует то ли в отношении человека и государства, то ли в отношении человека с другими людьми и с самим собой; то ли синонимично уважению и самоуважению, то ли нет; то ли присуще от рождения, то ли достигается; то ли как основное право конкретизируется в таких же основных правах, то ли нет; то ли может умаляться лишь со стороны государства, то ли и со стороны других и самого себя; то ли не связано с выполнением обязанностей, то ли все же является и обязанностью, свидетельствуя о ценности и уникальности каждой конкретной личности...

Причина этого катастрофического положения заключается не только в общем состоянии российского правоведения, но в первую очередь в том, что достоинство — это вообще не право, и в ст. 21 второй главы Конституции РФ оно находится совершенно не на своем месте. И оказалось оно в этой главе потому, что авторы текста Конституции почти полностью низвели человеческое достоинство к «определенному стандарту жизни», к комфорту и благополучию, «достойной жизни» (ст. 7, ч. 1), по причине чего оно и располагается где-то между охраной

committed heinous crimes against humanity. In what sense are such persons socially valuable and significant?

My review of the most authoritative Russian scholarly literature on constitutional law reveals a dismal failure of the Main Law of modern Russia to explain human dignity. Human dignity is either limited to the synonymous dignity of the individual, or it also includes the dignity of a citizen; it is either a right, or a right-and-freedom; either a right-plus-duty or the right is not to dignity itself, but merely to its protection by the state. It exists either in the relationship between the individual and the state, or in the relationship between the individual and other individuals, as well as with oneself; it is either synonymous with respect and self-respect, or it is not; it is either given by birth or it is achieved; it is either embodied as a fundamental right in equally fundamental rights, or it is not. It may be demeaned either by only the state, or by others and oneself; it is either unconnected with the fulfilment of duties, or it is a duty attesting to the value and uniqueness of every concrete individual; and so on.

The cause of this catastrophic situation is not only the overall state of Russian legal scholarship, but first and foremost the fact that dignity is not a right to begin with, and it should not be in Article 21 of the second chapter of the RF Constitution. It ended up in this chapter because the drafters of the Constitution have reduced human dignity to “a certain standard of living”, “a worthwhile [*dostojnaya*] life” (Art. 7, part 1), which puts it somewhere in between healthcare, medical aid, free general education, the right to housing, and to taking part in cultural life. Leaving aside the total ban on demeaning the individual’s dignity (Art. 21, part 1), which concedes that dignity has an ab-

здоровья, медицинской помощью, бесплатным основным общим образованием, правом на жилище и на участие в культурной жизни. Если оставить в стороне полный запрет на умаление достоинства личности (ст. 21, ч. 1), свидетельствующий все же об абсолютном характере этого достоинства⁷, то человеческое достоинство, или достоинство личности, оказалось подменено «достойными условиями жизни». Тем самым наблюдается примечательный параллелизм между обыденным использованием понятия достоинства, нашедшим свое выражение в том числе в навязчивой рекламе, и строгим юридическим употреблением этого же понятия.

Несмотря на все это, не ослабевают странные попытки российских правоведов все же выводить из достоинства другие права. В комментариях под редакцией действующего председателя КС РФ В. Д. Зорькина утверждается:

Поскольку государство не предоставляет, а лишь признает, соблюдает и защищает права и свободы человека, в указанной конституционной формуле находит выражение идея естественных, неотъемлемых и неотчуждаемых прав человека, которые существуют независимо от государственного их признания, в силу чего конституционные права и свободы не октроированы государством, не дарованы им, а являются атрибутивными, свойственными личности и вытекают из присущего каждому человеку достоинства (Комментарий..., 2011, с. 57).

Проблема этого комментария состоит в том, что он — вопреки заглавию книги — комментирует какой-то иной текст, нежели Конституцию РФ 1993 г. со ст. 21 во второй главе.

Подобные комментарии — результат прямого влияния зарубежного конституционного права. В силу того что конституции ряда зарубежных государств написаны ощутимо грамот-

solite character,⁷ human dignity or the dignity of an individual has been supplanted by “worthy living conditions”. This reveals a notable parallel between the everyday meaning of dignity — manifest in, among other things, aggressive advertising — and the rigorous legal meaning of the same concept.

Even so, we see strange, relentless attempts on the part of Russian legal scholars to derive other rights from dignity. Consider the following comments edited by the current Chairman of the Constitutional Court of the RF, Valery D. Zorkin (2011, p. 57):

Because the state does not grant, but merely recognises, observes and protects these rights and freedoms of the individual, this constitutional formula expresses the idea of natural, inviolable and inalienable rights of man that exist regardless of whether or not the state recognises them, owing to which constitutional rights and freedoms are not granted or bestowed by the state, but are attributive, intrinsic to the individual and derive from the dignity inherent in every person.

The trouble with this commentary is that — belying its title — it is commenting on some text other than the RF Constitution with its Article 21 in Chapter 2.

Such commentaries are the result of direct influence of Western constitutional law. Because the constitutions of a number of foreign states are tangibly better-written and less eclectic than the Constitution of the RF, dignity in them has an entirely different status, as witnessed by a large body of legal literature. This alternative vision has penetrated into Russian constitutional discourse, but it has been rather

⁷ Правда, именно этот аспект в комментариях и не находит должного разъяснения, а как раз в них как нельзя кстати пришлось бы кантовское понимание человека как цели самой по себе, которого нельзя использовать как только лишь голое средство; см. об этом подробнее: (Brandt, 2010, S. 215—218).

⁷ True, it is precisely this aspect that the commentary fails to explain adequately, and yet it could greatly benefit from Kant’s concept of man as an end in himself which should not be used as a mere means; see more on this in Brandt (2010, pp. 215-218).

нее и менее эклектично, нежели Конституция РФ, и в них достоинство имеет совершенно иной статус, о чем существует уже солидная юридическая литература, это иное видение достоинства проникло и в российские конституционные размышления, но неким контрабандным способом: текст самой Конституции и положение в ней ст. 21 остаются неизменными, но, вопреки этому, в публичных речах и в комментаторской литературе человеческое достоинство наделяют иным статусом по сравнению с тем, что сформулировано в самой Конституции⁸. В качестве юридической основы иных типов конституций следует указать прежде всего на «Всеобщую декларацию прав человека» (1948) и особенно на «Международный пакт о гражданских и политических правах» (1966/1976), во втором пункте преамбулы которого четко сформулировано: «...принимая во внимание, что... признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их является основой свободы, справедливости и всеобщего мира, признавая, что эти права вытекают из присущего человеческой личности достоинства...» (Международный пакт, 1966/1976). Достоинство человеческой личности здесь является не правом, а тем основанием, из которого права вытекают. Это положение нашло свое выражение и в Основном законе ФРГ 1949 г.⁹, а именно в абз. 1–2 ст. 1. На рефлексии немецких правоведов по поводу достоинства человека (*die Würde des Menschen*), «исходя из которого» (*darum*) и признаются неприкосновенные и неотчуждаемые права человека (Основной закон ФРГ, 1949; Хессе, 1981; Государственное право Германии, 1994), и ориентируются современные российские правоведы в собственных дедукци-

⁸ Одни из последних политических примеров такого рода — выступление В. В. Путина перед Федеральным Собранием в январе 2020 г., в котором свободы и права граждан и достоинство человека равноположены (Путин, 2020), в то время как, согласно букве и духу Конституции, достоинство — это всего лишь одно из прав и свобод.

⁹ Одной из первых глубоких философских интерпретаций преамбулы Основного закона ФРГ еще во времена разделенной Германии стало сочинение Курта Хюбнера (Хюбнер, 1996, с. 330–333).

smuggled-in: the text of the Constitution and Article 21 remains unchanged, in spite of public speeches and commentary literature which confer on human dignity a different status than it has in the Constitution itself.⁸ The legal foundations of other types of constitutions include, above all, the *Universal Declaration of Human Rights* (1948) and especially the *International Covenant on Civil and Political Rights* (1966/1976), the second item of whose preamble sets down in black-and-white: “[...] Considering that [...] recognition of the inherent dignity and of the equal and inalienable rights of all members of the human family is the foundation of freedom, justice and peace in the world, Recognising that these rights derive from the inherent dignity of the human person [...]” (*Mezhdunarodnyj pakt*, 1966/1976). Here human dignity is not a right, but the foundation from which rights flow. This principle is enshrined in the Basic Law for the Federal Republic of Germany of 1949,⁹ specifically paras. 1-2, Art. 1. Russian legal scholars in their deductions¹⁰ look to these reflections of the German legal scholars on human dignity (*die Würde des Menschen*), “proceeding from which” (*darum*) inviolable and inalienable rights of man are recognised (Basic Law for the FRG, 1949; Hesse, 1999; Isensee and Kirchhof, 1987–1992). And they do not notice that the provision of Article 21 of the RF Constitution precludes this by reducing human dignity to a “worthy living standard”.

⁸ One recent political example of this kind is Vladimir V. Putin’s speech to the Federal Assembly in January 2020, in which the freedoms and rights of citizens and human dignity are equated (Putin, 2020), whereas, according to the letter and spirit of the Constitution, dignity is only one of the rights and freedoms.

⁹ One of the first profound philosophical interpretations of the Preamble to the Basic Law of the FRG in the times of divided Germany was the work of Kurt Hübner (1985, pp. 354–357).

¹⁰ Without noticing, however, the influence of Kant’s philosophy on the concept of human dignity in the Basic Law of the FRG; see on this (Merkel, 2001, p. 56; Mohr, 2009, pp. 474-475).

ях¹⁰, совершенно не замечая того, что положение ст. 21 Конституции РФ этого совершенно не позволяет, низводя человеческое достоинство до «достойного уровня жизни».

4. Понятие достоинства в философии Канта: краткий абрис и современное звучание

Прежде чем я перейду к вопросу о том, чем нам сегодня может помочь кантовская философия в разрешении перечисленных выше юридических затруднений, стоит хотя бы лапидарно очертить кантовское понимание человеческого достоинства¹¹. Понятие достоинства формулируется Кантом в его, быть может, самом ярком и значимом этическом произведении «Основоположение к метафизике нравов» (1785). А некоторые комментарии и разъяснения к нему содержатся в лекциях «Естественное право Файерабенд», читавшихся в момент работы над рукописью «Основоположения...».

Позиция, выраженная Кантом, во многом является полемикой с Т. Гоббсом. Последний утверждал в «Левиафане» (1651): «Стоимость (value), или ценность (worth), человека, подобно всем другим вещам, есть его цена (price), т.е. она составляет столько, сколько можно дать за пользование его силой, и потому является вещью не абсолютной (absolute), а зависящей от нужды в нем и оценки другого» (Гоббс, 1991, с. 66–67; Hobbes, 2011, p. 96). С ценностью Гоббс связывал и уважение: «Проявление ценности, которую мы придаем друг другу, есть то, что обычно называется уважением (honouring) и неуважением (dishonouring)» (Гоббс, 1991, с. 67; Hobbes, 2011, p. 96). Наконец, «общественная ценность (public worth) человека, т.е. та цена (value), кото-

¹⁰ Правда, при этом совершенно не замечая того влияния, которое кантовская философия оказала на понятие человеческого достоинства в Основном законе ФРГ; см. об этом (Merkel, 2001, S. 56; Mohr, 2009, S. 474–475).

¹¹ В рамках данной статьи я не имею возможности вдаваться в детали современной кантоведческой полемики по этому вопросу; см. из последних работ на эту тему: (Sensen, 2009; Klemme, 2013; Sánchez, 2013; Niederberger, 2018).

4. The Concept of Dignity in Kant's Philosophy: A Brief Outline and Current Perception

Before I attempt to answer the question of how Kantian philosophy may help us to resolve the difficulties stated above, it would be helpful to outline, if only briefly, the Kantian interpretation of human dignity.¹¹ We find a definition of dignity in what is arguably the most brilliant and significant ethical work, *Groundwork for the Metaphysics of Morals* (1785). Some comments and explanations of it are contained in the “Natural Right Course” (Feyerabend) lectures, delivered at the time Kant was working on the manuscript for the *Groundwork*.

The position Kant sets forth is in many ways a polemic aimed at Hobbes, who makes the following claims in *Leviathan* (1651): “The value, or worth of a man, is as of all other things, his price; that is to say, so much as would be given for the use of his power: and therefore is not absolute; but a thing dependent on the need and judgment of another” (Hobbes, 2011, p. 96). Hobbes also links worth and respect: “The manifestation of the value we set on one another, is that which is commonly called honouring, and dishonouring” (*ibid.*). Finally, “the public worth of a man, which is the value set on him by the commonwealth, is that which men commonly call *dignity*” (*ibid.*). While remaining in the framework of Hobbesian terminology,¹² Kant gives it a totally different interpretation,

¹¹ Going into the details of the modern polemics on this issue among Kantian scholars is beyond the scope of this article; for the latest works on this topic see: (Sensen, 2009; Klemme, 2013; Sánchez, 2013; Niederberger, 2018).

¹² It has to be stressed that the English version of Hobbes' work here is far more accurate than the 1670 Latin version. For lack of space, I leave aside the Latin manual of Gottfried Achenwall (1763), which Kant used in his lectures, and his terminology.

рая дается ему государством (Commonwealth), есть то, что люди обычно называют *достоинством* (dignity)» (Там же). Оставаясь в рамках гоббсианской терминологии¹², Кант придает ей совсем иное толкование, в результате чего достоинство перестает иметь сословный характер, зависимый от государства, а, напротив, обретает абсолютный, внутренний и универсальный характер.

В «Основоположении...» Кант вопреки Гоббсу подчеркивает принципиальную разницу между ценой (Preis) и достоинством (Würde): первая может быть заменена неким эквивалентом, в то время как второе никакого эквивалента не допускает и находится выше какой бы то ни было цены (AA 04, S. 434; Кант, 1997а, с. 187). Цена может быть рыночной или аффективной. Достоинство же обладает внутренней, а не относительной ценностью (Wert), благодаря которой ее носитель может выступать в качестве неинструментализируемой цели самой по себе. Для разумного же существа в качестве условия бытия целью самой по себе выступает еще и моральность: «Таким образом, нравственность и человечество (Menschheit), поскольку оно к ней способно, есть то, что одно только и имеет достоинство» (AA 04, S. 435; Кант, 1997а, с. 187). В лекциях по естественному праву различие проводится между внутренней и внешней ценностью:

Именно человек является целью самой по себе, поэтому только он может обладать внутренней ценностью, то есть достоинством, которое нельзя заменить никаким эквивалентом. Другие вещи обладают внешней ценностью, то есть ценой, которой каждая вещь, пригодная для той же самой цели, может служить эквивалентом. Внутренняя ценность человека зиждется на его свободе, на том, что он обладает собственной волей. Так как он должен быть конечной целью, то его воля не должна больше ни от чего зависеть (Кант, 2016, с. 76; Kant, 2010, S. 5–6).

¹² Стоит подчеркнуть, что английский вариант сочинения Гоббса здесь гораздо точнее латинского издания 1670 г. Латинский учебник Г. Ахенваля, на который опирался в лекциях Кант (Achenwall, 1763), и его терминологию из соображений краткости я оставлю здесь в стороне.

such that dignity loses both its connection with social estates and its dependence on the state and acquires, on the contrary, an absolute, intrinsic and universal character.

In *Groundwork*, Kant stresses, contrary to Hobbes, the fundamental difference between price (*Preis*) and dignity (*Würde*): the former can be replaced by an equivalent whereas the latter does not admit of any equivalent and is above any price (GMS, AA 04, p. 434; Kant, 1996b, p. 84). The price can be market or affective. Dignity has intrinsic and not relative worth (*Wert*), owing to which the bearer of dignity can be seen as a non-instrumentalisable end in themself. For an intelligent being, morality as an end in itself is a condition of being: “Hence morality, and humanity (*Menschheit*), insofar as it is capable of morality, is that which alone has dignity” (GMS, AA 04, p. 435; Kant, 1996b, p. 84). In the lectures on natural law, a distinction is drawn between inner and outer value:

To be precise a human being is an end in itself, from this a human being can have only an inner value, i.e. have dignity in whose place no equivalent can be set. Other things have outer value, i.e. price, for which each and every thing that is fitting for the same end can be set as an equivalent. The inner value of a human being is based on his freedom, that he has a will of his own. Because he should be the final end his will must be dependent on nothing else (*V-NR/Feyerabend*, AA 27, pp. 1319-1320; Kant, 2016, p. 82; Hinske, et al., 2010, pp. 5-6).

Finally, in a late work, *The Metaphysics of Morals* (1797), in which he delineates the metaphysical principles of his teachings on virtue, Kant systematises his thoughts of the 1780s in such a way that belonging to the human race becomes, itself, a virtue:

Наконец, в позднем произведении — «Метафизике нравов» (1797), а именно в метафизических первоначалах учения о добродетели, — Кант систематизирует некоторые свои мысли 80-х гг. таким образом, что уже сама принадлежность к человеческому роду оказывается достоинством:

Человечность (*Menschheit*) сама уже есть достоинство; ибо человека ни один человек (ни другие, ни даже он сам) не может употреблять просто как средство, но он во всякое время должен быть употребляем также как цель, и именно в этом состоит его достоинство (личность [*Persönlichkeit*]), благодаря которому он стоит выше всех остальных существ мира, которые не люди и которые, однако же, могут быть употребляемы, стало быть, выше всех вещей. Так же как человек не может отдать самого себя ни за какую цену (что противоречило бы обязанности самоуважения), точно так же он не может поступить против столь же необходимого самоуважения других как людей, т.е. он обязан практически признавать достоинство человечества в каждом другом человеке; стало быть, на него возложена обязанность, относящаяся к уважению (*Achtung*), которое необходимо следует оказывать каждому другому человеку (AA 06, S. 462; Кант, 2019, с. 203–205 (§38)).

Однако теснейшая связь между достоинством и уважением ни в коем случае не означает у Канта сведения первого ко второму, как это практикуют российские юристы, а, напротив, выступает неким неизменным условием существования достоинства.

Другой особенностью «Метафизики нравов» является то, что Кант проводит здесь тонкое различие между «достоинством человечества в нас» (*Würde der Menschheit in uns*) (AA 06, S. 436; Кант, 2019, с. 145 (§12)) и достоинством человека (*Würde des Menschen, Menschenwürde*) (AA 06, S. 436, 429, 465; Кант, 2019, с. 145 (§12), 129 (§9), 209 (§42); см. об этом различии подробнее: Klemme, 2011). Достоинство человечества в нас предполагает следование моральному закону из уважения к нему. Только сам человек

Humanity (*Menschheit*) itself is a dignity; for a human being cannot be used merely as a means by any human being (either by others or even by himself) but must always be used at the same time as an end. It is just in this that his dignity (personality) consists, by which he raises himself above all other beings in the world that are not human beings and yet can be used, and so over all things. But just as he cannot give himself away for any price (this would conflict with his duty of self-esteem), so neither can he act contrary to the equally necessary self-esteem of others, as human beings, that is, he is under obligation to acknowledge, in a practical way, the dignity of humanity in every other human being. Hence there rests on him a duty regarding the respect (*Achtung*) that must be shown to every other human being (MS, AA 06, p. 462; Kant, 1996a, p. 579 (§ 38)).

However, even the closest of links between dignity and respect emphatically does not mean reducing the former to the latter, as do Russian legal scholars; on the contrary, it is an indispensable condition of the existence of dignity.

Another feature of *The Metaphysics of Morals* is that Kant draws a fine distinction between “the dignity of humanity within us” (*Würde der Menschheit in uns*) (MS, AA 06, p. 436; Kant, 1996a, p. 558 (§ 12)) and human dignity (*Würde des Menschen, Menschenwürde*) (MS, AA 06, p. 436, 429, 465; Kant, 1996a, p. 558 (§12), 553 (§9), 581 (§42); see more on this distinction: Klemme, 2011). Human dignity within us implies following the moral law out of respect for it. Only the individual himself can exercise his dignity which implies, among other things, a duty toward other people as intelligent beings. However, complete loss of human dignity within us is impossible: we should respect humanity even in the person of an out-and-out criminal (MS, AA 06, pp. 362-363; Kant, 1996a, pp. 497-498). But we should respect his dignity as someone belonging to the human race — that is, as having intelligence and free-

может осуществлять свое достоинство, которое подразумевает в том числе и долг в отношении других людей как разумных существ. Однако полная потеря достоинства человечества в нас невозможна: даже в личности самого отъявленного преступника мы должны уважать человечество (AA 06, S. 362–363)¹³. Но уважается при этом его достоинство в смысле принадлежности к человеческому роду, означающей наличие разума, свободы, потенциально до последнего вдоха оставляющих возможность возвращения на пусть истинный, что в христианской культуре лучше всего выражает образ благо-разумного разбойника. Уважается достоинство не в смысле какой-то уникальности конкретной личности, как это представлено в работах российских юристов, ибо подобная уникальность может означать и особенные и извращенные преступления, а именно как неуникальность — человечество в нас, присущее любому человеку, как потенциальная способность к моральному поведению. Но если некое базовое достоинство человечества в нас сохраняется в человеке всегда, независимо от его поведения, то человеческое достоинство может иметь разные степени, и оно может умаляться или возвышаться поступками самого человека.

Былой сословный статус человеческого достоинства Кант распространяет на все человечество в лице всех его представителей. Тем не менее по сравнению с сословной структурой общества и государства с императором, царем или королем на вершине положение человечества отличает в этом новом статусе то, что по отношению к нему четко обозначено располагающееся не только ниже него — «вещи» и «средства», но и выше — Бог как абсолютно добрая воля. Но один атрибутивный царский признак в понимании человеческого достоинства у Канта, как это пронизательно подметил Н. Хинске, явно сохранился: правомочие самостоятельно предписывать законы (Hinske,

¹³ В новом русском переводе фрагмент отсутствует. См. перевод в предыдущем издании кантовских произведений: (Кант, 1994, с. 400).

dom which potentially leave open, until the last breath, the path to redemption (which in the Christian culture is best expressed in the image of the Wise Thief). We should respect dignity not in the sense, which we find in the works of Russian lawyers, of the uniqueness of a concrete individual, because such uniqueness may imply special and perverse crimes; but in the sense of *non*-uniqueness, of the humanity within us that is inherent in every human as the potential for moral behaviour. But while the basic human dignity within us is always present irrespective of our behaviour, human dignity comes in degrees, and may diminish or grow depending on a person's acts.

Kant extends human dignity, formerly reserved for only some social estates, to the whole of humanity and its representatives. Compared with the class structure of society and the state with an emperor, tsar, or king at the top, the new condition of humanity is different in that there is a clear distinction between what is below it — “things” and “means” — and what is above it, i.e. God as the absolute good will. But, as Norbert Hinske (2023, p. 209) penetratingly noted, Kant preserves one regal attribute in the interpretation of human dignity, and that is the right to prescribe laws. However, these are laws that limit one's own freedom and are imposed on oneself: “*Autonomy* is therefore the ground of the dignity of human nature and of every rational nature” (GMS, AA 04, p. 436; Kant, 1996b, p. 85). These are not just any laws, but moral laws, such that obeying these laws means performing one's obligations or duties.

Unlike Russian legislators and legal scholars, Kant persistently stresses that dignity imposes duties, limits the individual's rights, and cannot exist outside morality, something the contemporary legal science, in its struggle against communism and the Soviet past, has

2023, S. 209). Однако это законы, ограничивающие собственную свободу и накладываемые на самого себя: «Автономия есть, таким образом, основание достоинства человеческой и всякой разумной природы» (AA 04, S. 436; Кант, 1997а, с. 191). Это не просто законы, а законы моральные, и исполнение этих законов есть исполнение своих обязанностей, или долга.

В отличие от российских законодателей и правоведов, Кант настойчиво подчеркивает: достоинство возлагает на человека обязанности, оно ограничивает его права и не может существовать безотносительно морали — это то, о чем современная российская юридическая наука в своей борьбе с коммунизмом и советским прошлым забыла напрочь. Наивная попытка российских правоведов, борющихся, как им кажется, с советским представлением о правах человека как «даре» государства, представить эти права как «дар» природы в рамках неуклюжей стилизации под естественное право ведет в тупик (еще более жалким и убогим является вульгарное обыденное сведение достоинства к деньгам):

В системе природы человек (*homo phaenomenon, animal rationale*) — незначительное существо, имеющее ценность, одинаковую с другими животными как продуктами земли (*pretium vulgare*). Даже то, что человек имеет перед ними преимущество рассудка и может сам полагать себе цели, придает ему все же лишь *внешнюю* ценность его пригодности (*pretium usus*), а именно одного человека для другого, т.е. *цену* как товару в обращении с этими животными как вещами, в котором он все же имеет более низкую цену, чем всеобщее средство обмена — деньги, ценность которых называется поэтому отличной (*pretium eminens*) (AA 06, S. 434; Кант, 2019, с. 141 (§11)).

Для того же, чтобы возвыситься над природой и феноменальным, человек должен вспомнить о своем ноуменальном, о лице и личности, обладающих морально-практическим разумом и имеющих «абсолютную внутреннюю ценность», или достоинство (AA 06, S. 435;

clearly forgotten. The naïve attempt of Russian legal scholars, who think they are fighting the Soviet notion of human rights as a “gift” from the state, to present these rights as “gifts” of nature are part of what is a clumsy stylisation, as natural rights lead to a dead end (although the vulgar reduction of dignity to money is still more pathetic):

In the system of nature, a human being (*homo phaenomenon, animal rationale*) is a being of slight importance and shares with the rest of the animals, as offspring of the earth, an ordinary value (*pretium vulgare*). Although a human being has, in his understanding, something more than they and can set himself ends, even this gives him only an extrinsic value for his usefulness (*pretium usus*); that is to say, it gives one man a higher value than another, that is, a price as of a commodity in exchange with these animals as things, though he still has a lower value than the universal medium of exchange, money, the value of which can therefore be called preeminent (*pretium eminens*) (MS, AA 06, p. 434; Kant, 1996a, p. 557 (§11)).

In order to rise above nature and the phenomenal, human being should recall his noumenal, his person and personality that possess moral-practical reason and “an absolute inner worth”, or dignity (MS, AA 06, p. 435; Kant, 1996a, p. 557 (§11)) — not by the mere fact of having been born, which grants only the possibility of dignity to a member of the human race, but thanks to one’s moral behaviour. This is the message of the famous Kantian passage in the *Critique of Practical Reason*, regarding “the starry heavens above me and the moral law within me” (KpV, AA 05, pp. 161; Kant, 1996c, pp. 269), when read to the end.

Until recently, one could find profound reflections on human dignity consonant with Kant’s reflections, not in Russian le-

Кант, 2019, с. 141 (§11)), — но не благодаря простому факту своего рождения, который создает только возможность достоинства члена человеческого рода, а благодаря своему моральному поведению. И знаменитый пассаж Канта в «Критике практического разума» про «звездное небо надо мной и моральный закон во мне» (AA 05, S. 161; Кант, 1997б, с. 729–731), дочитанный до конца, говорит именно об этом.

Глубокая рефлексия по поводу человеческого достоинства, созвучная кантовской, наблюдалась некоторое время назад не в среде российских правоведов, а в лоне Русской православной церкви, хотя и здесь в настоящее время она полностью оказалась, насколько я могу судить, вытеснена на обочину. Несмотря на то что применяемая в церковных документах терминология может на первый взгляд вводить в заблуждение, будто речь идет о противоречащих конституционным положениям тезисах, содержательно именно в этих рассуждениях можно встретить обдумывание тех сложных вопросов, которые российские юристы не просто не обдумывают, а даже и не ставят. В 2006 г. X Всемирный русский народный собор принял «Декларацию о правах и достоинстве человека», вызвавшую полемические возражения в среде российских правозащитников. Уже в названии четко зафиксировано, что достоинство — это не одно из прав, как то указано в Конституции РФ. В этой декларации утверждалось: «Человек как образ Божий имеет особую ценность, которая не может быть отнята. Она должна уважаться каждым из нас, обществом и государством. Совершая добро, личность приобретает *достоинство*. Таким образом, мы различаем ценность и достоинство личности. Ценность — это то, что дано, достоинство — это то, что приобретается» (Декларация..., 2006). Мы видим здесь перекличку с утверждением в Конституции РФ человека как высшей ценности, а также необходимости охраны человеческого достоинства от умаления. За человеком признается особая, а не высшая ценность, и особая ценность вытека-

gal scholarship but in the Russian Orthodox Church — although today they seem to have been abandoned. Although the terminology used in church documents may at first glance mislead one into thinking that they challenge constitutional theses, in essence these reflections are addressing the complex questions which Russian legal scholars do not even raise, let alone reflect on. In 2006, the 10th World Russian People's Council passed a Declaration on the Rights and Dignity of Man which met with objections on the part of Russian human rights activists. Already its title clearly states that dignity is not one of the rights, as the RF Constitution indicates. The Declaration claims: “*Man as God's image has special value which cannot be taken away. It must be respected by each of us, by society and the state. In doing good the individual acquires dignity. Thus, we distinguish the value and dignity of the individual. Value is what is given, dignity is what is gained*” (Deklaraciya, 2006). This clashes with the assertion of human being as the supreme value in the RF Constitution, and of the need to protect human dignity from being demeaned. Human being is recognised to have special and not supreme value, his special value arising from the fact that God has created human being in His image, as we read in *Genesis* (1: 26): “Then God said, ‘Let Us make man in Our image, according to Our likeness [...]’.” The Bible clearly distinguishes the image (εἰκόνα) and likeness (ὁμοίωσιν) of God.

The above distinction, in spite of terminological differences, points in the same direction as does Kant in distinguishing human dignity and the dignity of humanity in us. The value (according to image) is a given, while dignity (according to likeness) is gained or demeaned depending on human acts. From this it follows that dignity cannot be immoral: “*Human rights*

ет из сотворения человека по образу Божию, о котором повествует Бытие (1: 26): «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему по подобию Нашему...» В Елизаветинской Библии или в синодальном переводе четко отличается образ (εἰκόνα) и подобие (ὁμοίωσις) Бога.

Приведенное здесь различие, несмотря на терминологические несоответствия, содержательно идет в направлении того, что Кант выразил различием человеческого достоинства и достоинства человечества в нас. Ценность (по образу) дана, есть нечто реализованное, в то время как достоинство (по подобию) приобретает или умаляется, есть нечто заданное, в зависимости от человеческих поступков. Отсюда вытекает, что безнравственного достоинства быть не может: «Права человека имеют основанием ценность личности и должны быть направлены на реализацию ее достоинства. Именно поэтому содержание прав человека не может не быть связано с нравственностью. Отрыв этих прав от нравственности означает их профанацию, ибо безнравственного достоинства не бывает» (Декларация..., 2006). Иным следствием является то, что «права и свободы неразрывно связаны с обязанностями и ответственностью человека», а кроме того, «существуют ценности, которые стоят не ниже прав человека» (вера, нравственность, святости, Отечество) (Там же).

Таким образом, мы имеем неотъемлемую ценность человека как образа Божьего, которая сохраняется несмотря ни на что, а также динамическое достоинство человека, которое человек может возвышать, а может и умалять, либо все больше уподобляясь Богу, либо отдаляясь от него своими поступками. Права же человека оказываются в данном смысле реализацией достоинства человека, то есть направлены на достижение уподобления Богу. Или, в интерпретации патриарха Кирилла: достоинство означает, во-первых, «что некий субъект обладает ценностью. Во-вторых, достоинство означает соответствие жизни субъекта этой ценности» (Кирилл, митрополит, 2006). Статический и дина-

are based on the value of the person and must be aimed at *realising the person's dignity*. That is why the content of human rights cannot but be connected with morality. Separating these rights from morality means their profanation, for *immoral dignity does not exist*" (Deklaraciya, 2006). Another consequence is that "*rights and freedoms are inseparably bound-up with duties and responsibility of man*", and besides, "*there exist values that stand not lower than human rights*" (e.g., faith, morality, sacred objects, Fatherland) (*ibid.*).

Thus, we have man's inalienable value as the image of God which is absolute, as well as the dynamic dignity of man, which a person may enhance or demean by becoming more and more like God or moving away from Him through action. In that sense, human rights are the realisation of human dignity, i.e. are aimed at becoming more God-like. Or, as Patriarch Kirill puts it, dignity means, first, "that a subject has value. Second, dignity means that the subject's life corresponds to this value" (Kirill, archbishop, 2006). The static and dynamic elements of human nature are here interpreted in accordance with the above-mentioned distinction, and on the basis of *Genesis*: "The existence of the image of God in human nature means the intransient value of man, and likeness means the task of developing this value [...]. In the process of one's life a person must become more and more like God, consequently growing in one's dignity" (*ibid.*; cf. Tolstoy, 1904, p. 207). Unfortunately, after 2006, this topic has not been pursued further in any noticeable way.

Human dignity is not a right, or a 'medal' nature has put around a person's neck at birth, which will not fade or depreciate no matter what a person does, and to which the state should bow. Until the 1993 Constitution of the RF, I am not aware of any precedents in Rus-

мический элемент природы человека толкуются в этом случае в соответствии с указанным различием и на основе книги Бытия: «Наличие образа Божия в природе человека означает непреходящую ценность человека, а подобие означает задачу по развитию этой ценности. ... в процессе своей жизни человек должен был все больше и больше уподобляться Богу, следовательно, возрастать в своем достоинстве» (Там же; ср.: Толстой, 1957, с. 133–134). Но, к сожалению, после 2006 г. эта тема внутри церкви так и не получила никакого заметного развития.

Достоинство человека — это не право и не медаль, повешенная человеку при рождении на шею природой, которая не потускнеет и ничуть не потеряет в цене, что бы человек ни делал, и перед которой должно преклоняться государство. До Конституции РФ 1993 г. я вообще не знаю precedентов причисления и интерпретации в русской философской культуре достоинства как «права»¹⁴, хотя первый же русский журнал философской направленности — «Утренний свет» — в первый год своего издания, в далеком 1777 г., опубликовал статью «О достоинстве человека, в отношениях к Богу и миру» (О достоинстве..., 1777), авторство которой долгое время приписывалось Н. И. Новикову¹⁵.

Едва ли не дальше всего как отменный эквивалент внешней ценности отстоят от человеческого достоинства как раз деньги. Конституционный запрет на умаление и унижение человеческого достоинства со стороны государ-

¹⁴ Некоторое частичное исключение представляет собой лишь статья «Достоинство» в «Философской энциклопедии», изданной в 1960-е гг., но и в ней достоинство не называется правом напрямую, а лишь утверждается, что достоинство есть осознание личностью «своего права на обществ[енное] уважение, основанное на признании обществом социальной значимости человека» (Морозов, 1962, с. 58).

¹⁵ В действительности статья представляет собой перевод с немецкого статьи, которая отвечала умонастроению Новикова, из журнала «Человек: Моральный еженедельник», выходившего под редакцией Г. Ф. Майера и С. Г. Ланге (Von der hohen Würde..., 1751), что убедительно показал в своем исследовании В. И. Симанков (Симанков, 2010, с. 128).

sian philosophical culture for considering and interpreting dignity as a “right”;¹³ although the very first Russian philosophical journal, “Morning Light”, published in the remote year 1777, carried an article “On Human Dignity in Relation to God and the World” (Anon., 1777) which for a long time was attributed to Nikolay I. Novikov.¹⁴

Money, as an equivalent of outer value, is probably furthest thing from human dignity. The constitutional ban on demeaning and humiliating human dignity on the part of the state is an important and necessary constitutional provision which recognises a human being as an end in itself; but we should not forget that human dignity can be demeaned and humiliated not just by the state but by the person who behaves immorally, in a manner unworthy of man. Just as important and necessary are all the aspects of the activity of the social state to create favourable, “worthy” conditions for life, labour, leisure and self-realisation, something the Constitution of the RF speaks about, alas, more often than not in a declarative way. But this is not what human dignity is all about. It does not consist in consuming material benefits or enjoying “worthy” living conditions (although it does not rule it out). Indeed, as if foreseeing such interpretations, Kant once stressed that “[...] it is false to say that God created human beings for their happiness” (V-NR/Feyerabend, AA 27, p. 1382; Kant, 2016, p. 165). Even the most inhumane and “unworthy” liv-

¹³ A partial exception is the article “Dignity” in the Philosophical Encyclopedia published in the 1960s, though it does not directly refer to dignity as a right, but merely claims that dignity is a person’s awareness of “one’s right to social respect based on society’s recognition of the social value of human being” (Morozov, 1962, p. 58).

¹⁴ In reality the article is a translation from the German of an article that was consonant with Novikov’s mindset, from the moral weekly “Der Mensch” edited by G. F. Meyer and S. G. Lange (Anon., 1751), a fact which has been convincingly proved by Vitaly I. Simankov (2010, p. 128).

ства — важное и нужное конституционное положение, признающее человека как цель саму по себе, однако нельзя забывать о том, что умалить и унижить человеческое достоинство безо всякого государства может и сам человек своим безнравственным поведением, недостойным человека. Равным образом важны и необходимы и все стороны деятельности социального государства, создающие благоприятные, «достойные» условия жизни, труда, отдыха, самореализации, о чем — увы, чаще всего лишь декларативно — говорит Конституция РФ. Однако само человеческое достоинство состоит вовсе не в этом. Оно никоим образом не заключается и в потреблении материальных благ или в наслаждении созданными «достойными» условиями жизни (хотя и не исключает этого). Более того, словно предвидя подобные интерпретации, однажды Кант даже подчеркнул, что «Бог создал людей не ради их счастья» (Kant, 2016, р. 206). Даже самые нечеловеческие и «недостойные» условия жизни человека не могут лишить его возможности сохранять и проявлять собственное человеческое достоинство. Права человека можно выводить или не выводить из достоинства — сам Кант в первой части «Метафизики нравов» эксплицитно не предлагал подобной дедукции, хотя ее возможность его этика в принципе, похоже, допускает. Важнее другое: человеческое достоинство невозможно без самоограничения свободы моральным законом как проявления автономии воли, без соблюдения долга и обязанностей. Как абсолютная внутренняя ценность, оно есть — в отличие от всех обеспечивающих благоприятные условия жизни обстоятельств — нечто безусловное, но требующее неперестанного обретения трудом в виде моральной добродетели. И это то, чему мы можем и должны поучиться у Канта и сегодня.

Исследование выполнено при поддержке РФФ, грант № 24-28-01134 «Классическая немецкая философия права и российская философско-правовая современность».

ing conditions cannot prevent human being from preserving and manifesting human dignity. One may or may not derive human rights from dignity — Kant himself, in the first part of *The Metaphysics of Morals*, did not explicitly offer such a derivation although his ethics in principle allows it. More importantly, human dignity is impossible without the self-restraint of freedom by the moral law as a manifestation of the autonomous will; without honouring duty and obligations. As an absolute inner value, unlike all the circumstances that ensure favourable living conditions, it is something unconditional, but it needs to be continually earned through labour in the shape of moral virtue. This is what we can and must learn from Kant, even today.

This research has been performed within the project no. 24-128-01134 “Classical German Philosophy of Law and Russian Philosophical and Legal Modernity” supported by the Russian Science Foundation (RSF).

References

- Achenwall, G., 1763. *Juris naturalis pars posterior complectens jus familiae, jus publicum et jus gentium in usum auditorum*. Göttingen: Bossiegel.
- Anon., 1751. Von der hohen Würde des Menschen. *Der Mensch: eine moralische Wochenschrift* (edited by G. F. Meier and S.G. Lange, Halle a.S.), Thl. 1, St. 3, pp. 17-24.
- Anon., 1777. On the Dignity of Human Being, in Relationship to God and the World. *Utrennij svet, ezhemesyachnoe izdanie [Morning Light, monthly edition]* (St. Petersburg), Pars 1, December, pp. 285-297. (In Rus.)
- Baglay, M. V., 2007. *Konstitucionnoe pravo Rossijskoj Federacii: uchebnik dlya vuzov [Constitutional Law of the Russian Federation: textbook for High Schools]*. Moscow: Norma. (In Rus.)
- Basic Law of the Federal Republic of Germany*, 1949. Translated by C. Tomuschat, D.P. Currie, D.P. Kommers and R. Kerr, 2022. Available at: <https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_gg/englisch_gg.html> (Accessed 9 January 2024).

Список литературы

Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации : учебник для вузов. 6-е изд. М. : Норма, 2007.

Гегель Г. В. Ф. Философия права / пер. Б. Г. Столпнера, М. И. Левиной ; под ред. Д. А. Керимова, В. С. Нерсеянца. М. : Мысль, 1990.

Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского / пер. А. Гутермана // Соч. : в 2 т. Т. 2 / под ред. В. В. Соколова. М. : Мысль, 1991. С. 3–546.

Государственное право Германии. Сокращенный перевод немецкого семитомного издания / под ред. Б. Н. Топорнина : в 2 т. М. : Изд-во ИГиП РАН, 1994.

Декларация о правах и достоинстве человека X Всемирного русского народного собора. 2006. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/103235.html> (дата обращения: 09.01.2024).

Дмитриев Ю. А. О юридическом значении преамбулы Конституции России // Государство и право. 2008. № 12. С. 35–38.

Кант И. Метафизика нравов / пер. С. Я. Шейнман-Топштейн, Ц. Г. Арзаканьяна // Соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994. Т. 6. С. 224–543.

Кант И. Основоположение к метафизике нравов // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Московский философский фонд, 1997а. Т. 3. С. 39–275.

Кант И. Критика практического разума // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Московский философский фонд, 1997б. Т. 3. С. 277–736.

Кант И. Метафизика нравов. Ч. 1. Метафизические первоначала учения о праве // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Канон+, 2014. Т. 5, ч. 1. С. 18–471.

Кант И. Естественное право Файерабенда. Введение / пер. Л. Э. Крыштоп // Кантовский сборник. 2016. № 3. С. 75–81.

Кант И. Метафизика нравов. Ч. 2. Метафизические основные начала учения о добродетели // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Канон+, 2019. Т. 5, ч. 2. С. 13–261.

Кант И. Венская логика / предисл. А. Н. Круглова, А. М. Харитоновой, Л. Э. Крыштоп, А. С. Бобровой ; пер. с нем. А. М. Харитоновой, Л. Э. Крыштоп, под ред. А. Н. Круглова ; коммент. А. Н. Круглова, А. М. Харитоновой, Л. Э. Крыштоп ; общ. ред. А. Н. Круглова. М. : Канон+, 2022.

Кирилл, митрополит. Права человека и нравственная ответственность (2006). URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/102261.html> (дата обращения: 09.01.2024).

Brandt, R., 2010. Die Würde des Menschen. In: R. Brandt, 2010. *Immanuel Kant – was bleibt?* Hamburg: Meiner, pp. 215-237.

Chetvernin, V. A., 2003. Russian Constitutional Concept of Legal Understanding. *Konstitutsionnoye pravo: vostochnoevropeyskoye obozreniye*, 4, pp. 28-36. (In Rus.)

Constitution of the Russian Federation, 1993. Available at: <http://www.constitution.ru/en/10003000-01.htm> (Accessed 9 January 2024).

Deklaraciya o pravah i dostoinstve cheloveka X Vsemirnogo russkogo narodnogo sobora [Declaration on Human Rights and Dignity of the X World Russian People's Council], 2006. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/103235.html> (Accessed 9 January 2024). (In Rus.)

Dmitriev, Yu. A., 2008. On the Legal Significance of the Preamble to the Russian Constitution. *State and Law*, 12, pp. 35-38. (In Rus.)

Hegel, G. W. F., 2008. *Outlines of the Philosophy of Right*. Translated by T. M. Knox; revised, edited, and introduced by S. Houlgate. Oxford: Oxford University Press.

Hegel, G. W. F., 2009. Grundlinien der Philosophie des Rechts. In: G. W. F. Hegel. *Gesammelte Werke. Hg. von der Rheinisch-Westfälischen Akademie der Wissenschaften. Bd. 14,1*. Hamburg: Meiner, pp. 5-282.

Hesse, K., 1999. *Grundzüge des Verfassungsrechts der Bundesrepublik Deutschland*. 20th Edition. Heidelberg: C. F. Müller.

Hinske, N. 2023. Würde als Schlüsselbegriff der Philosophie Kants. In: N. Hinske, 2023. *Vernunft, Wissen, Glaube. Wege zu einem neuen Verständnis Immanuel Kants*. Edited by C. Böhr. Wiesbaden: Springer, pp. 203-216.

Hobbes, Th., 2011. *Leviathan. Parts I and II Revised Edition*. Edited by A. P. Martinich and B. Battiste. Peterborough: Broadview editions.

Hübner, K., 1985. *Die Wahrheit des Mythos*. München: C. H. Beck.

Isensee, J. and Kirchhof, P., eds. 1987-1992. *Handbuch des Staatsrechts der Bundesrepublik Deutschland*. Heidelberg: C.F. Müller.

Kant, I., 1992. The Vienna Logic. In: I. Kant, 1992. *Lectures on Logic*. Translated and edited By J. M. Young. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 251-377.

Kant, I., 1996a. The Metaphysics of Morals (1797). In: I. Kant, 1996. *Practical Philosophy*. Translated and edited by M. J. Gregor. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 365-603.

Ковлер А.И. Конституция России как сравнительный проект (К истории создания Конституции Российской Федерации) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 1. С. 8–14.

Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России : учебник. 2-е изд. М. : Юрист, 2001.

Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина. 2-е изд. М. : Норма, 2011.

Конституция РФ, 1993. URL: <http://www.constitution.ru/index.htm> (дата обращения: 09.01.2024).

Куркин Б.А. Идеологема прав человека и ее интерпретация в современной отечественной правовой теории // Юридический форум : межвуз. сб. науч. тр. М. : Московский государственный индустриальный университет, 2014. Вып. 1. С. 51–69.

Куркин Б.А., Искевич И.С. Права человека: два взгляда на феномен // Право: история и современность. 2017. № 1. С. 18–26.

Международный пакт о гражданских и политических правах (1966/1976). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 09.01.2024).

Морозов В. Достоинство // Философская энциклопедия / под ред. Ф.В. Константинова. М. : Советская энциклопедия, 1962. Т. 2. С. 58–60.

Нерсесянц В.С. Философия права : учебник для вузов. М. : Норма, 2005.

О достоинстве человека, в отношениях к Богу и миру // Утренний свет, ежемесячное издание (СПб.). 1777. Ч. 1. Декабрь. С. 285–297.

Основной закон ФРГ (1949). URL: https://www.1000dokumente.de/index.html?c=dokument_de&dokument=0014_gru&object=translation&trefferanzeige=&suchmodus=&t=&l=ru (дата обращения: 09.01.2024).

Права человека : учебник / под ред. Е. А. Лукашевой. 2-е изд. М. : Норма, 2011.

Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию. 15 января 2020 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62582> (дата обращения: 09.01.2024).

Симанков В.И. Из разысканий о журнале «Прибавление к Московским ведомостям» (1783–1784) или об авторстве сочинений, приписывавшихся Н.И. Новикову, И.Г. Шварцу и Ф.В. Каржавину. Харьков : Б.и., 2010.

Словарь Академии Российской. СПб. : при Императорской академии наук, 1794. Ч. 5.

Kant, I., 1996b. Groundwork of the Metaphysics of Morals (1785). In: I. Kant, 1996. *Practical Philosophy*. Translated and edited by M.J. Gregor. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 43-108.

Kant, I. 1996c. *Critique of Practical Reason* (1788). In: I. Kant, 1996. *Practical Philosophy*. Translated and edited by M.J. Gregor. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 139-271.

Kant, I., 2010. *Naturrecht Feyerabend*. Abhandlung. Neue, anhand des Manuskriptes revidierte Fassung. In: N. Hinske, H. P. Delfosse, G. Sadun Bordoni, eds. 2010. *Kant-Index. Volume 30.1: Stellenindex und Konkordanz zum "Naturrecht Feyerabend"*. Stuttgart-Bad Cannstatt: frommann-holzboog, pp. 3-15.

Kant, I. 2016. *Natural Right Course Lecture Notes by Feyerabend*. In: I. Kant, 2016. *Lectures and Drafts on Political Philosophy*. Edited by F. Rauscher, translated by F. Rauscher and K. R. Westphal. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 73-180.

Kirill, Metropolitan, 2006. *Prava cheloveka i npravstvennaya otvetstvennost'* [Human Rights and Moral Responsibility]. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/102261.html> (Accessed 9 January 2024). (In Rus.)

Klemme, H. F., 2011. *Das rechtsstaatliche Folterverbot aus der Perspektive der Philosophie Kants*. In: K. Altenhain and N. Willenberg, eds. 2011. *Die Geschichte der Folter seit ihrer Abschaffung*. Göttingen: V&R Unipress, pp. 39-53.

Klemme, H. F., 2013. *Menschenwürde und Menschenrecht. Variationen eines Kantischen Themas in systematischer Absicht*. In: F. Brosow and T. R. Rosenhagen, eds. 2013. *Moderne Theorien Praktischer Normativität. Zur Wirklichkeit und Wirkungsweise des praktischen Sollens*. Münster: Mentis, pp. 213-229.

Kovler, A. I., 2019. *The Constitution of Russia as a Comparative Project (To the History of the Constitution of the Russian Federation)*. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 1, pp. 8-14. (In Rus.)

Kozlova, E. I. and Kutafin, O. E., 2001. *Konstitucionnoe pravo Rossii. Uchebnik* [Russian Constitutional Law. Textbook]. Moscow: Yurist. (In Rus.)

Konstituciya RF [Constitution of the Russian Federation], 1993. Available at: <http://www.constitution.ru/index.htm> (Accessed 9 January 2024). (In Rus.)

Kurkin, B. A., 2008. *Ideology of Human Rights and Its Interpretation in Modern Domestic Legal Theory*. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2, pp. 110-117. (In Rus.)

Толстой Л. Н. Исследование догматического богословия // Полн. собр. соч. М. : ГИХЛ, 1957. Т. 23. С. 60–303.

Хессе К. Основы конституционного права ФРГ / пер. Е. А. Сидорова. М. : Юридическая литература, 1981.

Хюбнер К. Истина мифа. М. : Республика, 1996.

Четвернин В. А. Российская конституционная концепция правопонимания // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2003. № 4. С. 28–36.

Achenwall G. *Juris naturalis pars posterior complectens jus familiae, jus publicum et jus gentium in usum auditorum*. Editio 5. Göttingen : Bossiegel, 1763.

Brandt R. Die Würde des Menschen // Brandt R. Immanuel Kant – was bleibt? Hamburg : Meiner, 2010. S. 215–237.

Hegel G.W.F. Grundlinien der Philosophie des Rechts // Gesammelte Werke / hrsg. von der Rheinisch-Westfälischen Akademie der Wissenschaften. Hamburg : Meiner, 2009. Bd. 14.1. S. 5–282.

Hinske N. Würde als Schlüsselbegriff der Philosophie Kants // Hinske N. Vernunft, Wissen, Glaube. Wege zu einem neuen Verständnis Immanuel Kants / hrsg. von Chr. Böhr. Wiesbaden : Springer, 2023. S. 203–216.

Hobbes Th. *Leviathan*. Pars I and II revised edition / ed. by A.P. Martinich, B. Battiste. Peterborough : Broadview editions, 2011.

Kant I. Naturrecht Feyerabend. Abhandlung. Neue, anhand des Manuskriptes revidierte Fassung // Kant-Index. Bd. 30.1 : Stellenindex und Konkordanz zum „Naturrecht Feyerabend“ / hrsg. von N. Hinske, H.P. Delfosse, G. Sadun Bordonni. Stuttgart-Bad Cannstatt : frommann-holzboog, 2010. S. 3–15.

Kant I. *Lezioni sul diritto naturale (Naturrecht Feyerabend)*. Testo tedesco a fronte / a cura di N. Hinske, G. Sadun Bordonni. Milano : Bompiani, 2016.

Klemme H. F. Das rechtsstaatliche Folterverbot aus der Perspektive der Philosophie Kants // Die Geschichte der Folter seit ihrer Abschaffung / hrsg. von K. Altenhain, N. Willenberg. Göttingen : V&R Unipress, 2011. S. 39–53.

Klemme H. F. Menschenwürde und Menschenrecht. Variationen eines Kantischen Themas in systematischer Absicht // Moderne Theorien Praktischer Normativität. Zur Wirklichkeit und Wirkungsweise des praktischen Sollens / hrsg. von F. Brosow, T. R. Rosenhagen. Münster : Mentis, 2013. S. 213–229.

Merkel R. Rechte für Embryonen? Die Menschenwürde lässt sich nicht allein auf die biologische Zugehörigkeit zur Menschheit gründen // *Biopolitik. Die Positionen* / hrsg. von Ch. Geyer. Frankfurt a/M : Suhrkamp, 2001. S. 51–64.

Kurkin, B. A. and Iskevich, I.S., 2017. Human Rights: Two Looks at the Phenomenon. *Law: history and modernity*, 1, pp. 18-26. (In Rus.)

Lukasheva, E. A., ed. 2011. *Prava cheloveka: uchebnik [Human Rights: A Textbook]*. Moscow: Norma. (In Rus.)

Merkel, R., 2001. Rechte für Embryonen? Die Menschenwürde lässt sich nicht allein auf die biologische Zugehörigkeit zur Menschheit gründen. In: C. Geyer, ed. 2001. *Biopolitik. Die Positionen*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, pp. 51-64.

Mezhdunarodnyj pakt o grazhdanskih i politicheskikh pravah [International Covenant on Civil and Political Rights], 1966/1976. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (Accessed 9 January 2024). (In Rus.)

Mohr, G., 2009. „nur weil er verbrochen hat“ – Menschenwürde und Vergeltung in Kants Strafrechtsphilosophie. In: H. F. Klemme, 2009. *Kant und die Zukunft der europäischen Aufklärung*. Berlin: de Gruyter, pp. 469-499.

Morozov, V., 1962. Dignity. In: F. V. Konstantinov, ed. 1962. *Filosofskaya enciklopediya [Philosophical Encyclopedia]*, Volume 2. Moscow: Sovetskaya enciklopediya, pp. 58-60. (In Rus.)

Nersesyants, V.S., 2005. *Filosofiya prava. Uchebnik dlya vuzov [Philosophy of Right. Textbook for High Schools]*. Moscow: Norma. (In Rus.)

Niederberger, A. 2018. Braucht die Kantische Rechtsphilosophie die Menschenwürde? In: R. Mosayebi, ed. 2018. *Kant und Menschenrechte*. Berlin: De Gruyter, pp. 81-100.

Putin, V. V., 2000. *Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu. 15 yanvarya 2020 g. [Message from the President to the Federal Assembly. January 15, 2020]*. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/62582> (Accessed 9 January 2024). (In Rus.)

Sánchez, N., 2013. Bemerkungen zur Kants Auffassung der menschlichen Würde. *Studia Philosophica Kantiana*, 2, pp. 27-47.

Sensen, O., 2009. Kant's Conception of Human Dignity. *Kant-Studien*, 100, pp. 309-331.

Simankov, V. I., 2010. *Iz razyskanij o zhurnale "Privavlenie k Moskovskim vedomostyam" (1783–1784) ili ob avtorstve sochinenij, pripisyvaavshihsy N.I. Novikovu, I.G. Shvarcu i F.V. Karzhavinu [From Research on the Journal "Addendum to the Moscow Vedomosti" (1783–1784), or On the Authorship of Works Attributed to N.I. Novikov, I.G. Shvarts and F.V. Karzhavin]*. Kharkov: s.n. (In Rus.)

Mohr G. „nur weil er verbrochen hat“ – Menschenwürde und Vergeltung in Kants Strafrechtsphilosophie // Kant und die Zukunft der europäischen Aufklärung / hrsg. von H. F. Klemme. Berlin : De Gruyter, 2009. S. 469–499.

Niederberger A. Braucht die Kantische Rechtsphilosophie die Menschenwürde? // Kant und Menschenrechte / hrsg. von R. Mosayebi. Berlin : De Gruyter, 2018. S. 81–100.

Sánchez N. Bemerkungen zur Kants Auffassung der menschlichen Würde // Studia Philosophica Kantiana. 2013. Vol. 2. P. 27–47.

Sensen O. Kant's Conception of Human Dignity // Kant-Studien. 2009. Bd. 100. S. 309–331.

Von der hohen Würde des Menschen // Der Mensch: eine moralische Wochenschrift / hrsg. von G.F. Meier, S. G. Lange. 1751. Thl. 1, St. 3. S. 17–24.

Об авторе

Алексей Николаевич **Круглов**, доктор философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия.

E-mail: akrouglov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1152-1309>

Для цитирования:

Круглов А. Н. О кантовском понятии человеческого достоинства сегодня // Кантовский сборник. 2024. Т. 43, № 1. С. 47–75.

doi: 10.5922/0207-6918-2024-1-3

© Круглов А. Н., 2024.

Slovar' Akademii Rossijskoj [Dictionary of the Russian Academy], 1794. Volume 5. St. Petersburg: Pri Imperatorskoj akademii nauk. (In Rus.)

Tolstoy, L.N., 1904. Critique of Dogmatic Theology. In: L.N. Tolstoy, 1904. *My Confession. Critique of Dogmatic Theology*. Boston: D. Estes & Co, pp. 93-451.

Topornin, B.N., ed. 1994. *Gosudarstvennoe pravo Germanii. Sokrashchennyj perevod nemeckogo semitomnogo izdaniya* [German State Law. Abridged Translation of the German Seven-Volume Edition], 2 Volumes. Moscow: IGI RAN Press. (In Rus.)

Zor'kin, V.D., ed. 2011. *Kommentarij k Konstitucii Rossijskoj Federacii* [Commentary to the Constitution of the Russian Federation]. Moscow: Norma. (In Rus.)

Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

The author

Prof. Dr Alexei N. **Krouglov**, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

E-mail: akrouglov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1152-1309>

To cite this article:

Krouglov, A. N., 2024. The Kantian Concept of Human Dignity Today. *Kantian Journal*, 43(1), pp. 47-75.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2024-1-3>

© Krouglov A. N., 2024.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))